

СОЛИСТ БАЛЕТА

Закончился первый акт балета «Бахчисарайский фонтан». Но гром оглушительных аплодисментов снова и снова заставлял занавес раздвигаться. Московского зрителя, видевшего лучших советских и зарубежных мастеров балета, трудно-чем-либо удивить. Но незнакомого молодого казахского танцора, к которому вначале отнеслись настороженно, полюбили уже в первом акте. Снова и снова выходил на восторженные вызовы Абдурахим Асылмуратов и растерянно кланялся.

Но и за кулисами ему не дали спокойно отдохнуть. Едва он только начал поправлять грим, как в дверь постучали и на неосторожное:

— Войдите, — в комнату вошли корреспонденты московских газет и радио. Заблестали вспышки фотоламп, посыпались вопросы.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три.

— Что вы? Так вы самый молодой исполнитель партии Гирея!

Так оно и было. Обычно эту сложную по психологическому и пластичному рисунку партию поручали вести человеку, умудренному опытом, ветерану главных партий. И вот теперь ему, двадцатиградусному артисту, поручена эта сложная роль.

Мало кто знает, что балетное искусство требует от артиста больших не только духовных, но и физических сил. Зритель видит на сцене очень точные, красивые движения. Они выполняются как будто без особого напряжения, свободно и легко. Но не секрет, что сценическая легкость, сила и выносливость танцовщиков — результат упорного, ежедневного труда. И только за кулисами знают, как велико утомление артиста балета после спектакля.

Трудно все это объяснить короткими словами, а Абдурахим был скуп на них. Ведь чувство пластики воспитывается годами, искусству танца обучают детей опытные препода-

ватели. Глубоко неправ тот, кто, увидев участника художественной самодеятельности, исполняющего небольшую балетную этюд, восторженно объявляет его законченным артистом, забывая, что для этого нужен многолетний терпеливый и упорный труд.

Еще в детстве любил Абдурахим плавные казахские народные танцы. В круг собирались седобородые аксакалы и внимательно следили за юным танцором, одобрителем подбадривая его:

— Хорошо! Рахмет!

Вот тогда-то и зародилась мечта стать танцором. Но как? Сведущие люди подсказали выход: обратиться в Алма-Атинское государственное хореографическое училище. Послали документы, и вот мальчик перед доброжелательными, но строгими членами приемной комиссии. Ведь каждого кандидата в училище надо внимательно проверить: чувствует ли он ритм музыки, есть ли у него настоящее чувство танца. Закончив все упражнения, Абдурахим с надеждой поглядел на экзаменаторов: но те улыбались и ничего не говорили. Результат объявили через несколько дней: принят.

Начались дни учебы. Общеобразовательные занятия перемежались с гимнастическими упражнениями. Первое время по ночам сильно болело тело, а утром мускулы делались как деревянные и их невозможно было разогнуть. Однако шло время, и тело словно наливалось силой, становилось почти невесомым. Усложнялись и упражнения, ведь искусство всегда находится в движении и развитии, идет от малого к большому, от простых форм к более сложным.

А к концу учебы Абдурахим уже участвовал в кордебалете театра оперы и балета. Красивое исполнение танца, усвоение позиций рук давалось ему нелегко.

И вот в 1955 году хореографическое училище закончено. Впереди открывалась широкая дорога неограниченных творческих возможностей. Абдурахиму уже предлагали место в Казахском государственном театре оперы и балета. Но он согласился на другое, с внешней стороны менее заманчивое предложение:

поехать на усовершенствование в Ленинградское хореографическое училище.

Как очарованный ходил Абдурахим по улицам исторического города и не верил своим глазам. Это он, простой казахский паренек, стоит сейчас на Невском проспекте. На том самом Невском, который воспевают Пушкин, и Гоголь, и Достоевский. Действительность была похожа на чудесный сон.

И вновь потекли дни, занятые упорной, кропотливой тренировкой. Опытные преподаватели, воспитавшие десятки артистов балета, внимательно и участливо помогали юноше отрабатывать движения, добиваться большей пластичности и более тонкого рисунка создаваемого образа. А в свободное время он ходил вслед за экскурсоводами по дворцам и музеям Ленинграда и жадно, как губка, впитывал знания. Любуясь памятником Петру Первому, он в глубине души мечтал вести партию Евгения в балете «Медный всадник».

Когда через год возвратился в Алма-Ату, он как бы возмужал, стал более уверенным в своих силах и возможностях. И хотя вначале был зачислен в кордебалет, однако первым его выступлением была ведущая партия Шурале в одноименном балете.

Раньше Абдурахим выступал в балете, но не на первых ролях, и поэтому перед первым своим выступлением сильно волновался. Перед открытием занавеса мелькнула даже малодушная мысль: отказаться. Пришлось напрячь всю силу воли, чтобы сдерживать расхопившиеся нервы. В этот-то момент к нему подошел балетмейстер Даурен Абиоров и сочувственно взял за руку:

— Не волнуйся, все устроится. Данных у тебя есть, держи характер.

И все же, когда открылся занавес и перед ним открылся зрительный зал, Абдурахим на мгновение почувствовал себя одиноким под обстрелом сотен глаз. Но одобрителные аплодисменты как бы вернули ему энергию, и действие началось.

Так начался творческий труд Абдурахима Асылмуратова в искусстве. Ведущие партии в балетах «Дон-Кихот», «Дорога дружбы», «Лебединое озеро», «Корсар» совершенствовали мастерство молодого солиста.

Внимательно следили за творческим ростом молодого актера его старшие товарищи. Они часто присутствовали на репетициях и на спектаклях, в которых был занят Абдурахим, а затем своими советами помогали ему шлифовать мастерство в балетном танце. Да и сам Абдурахим не терял времени даром: знакомился с рисунком танца заслуженных солистов балета, читал и перечитывал книги по балетному искусству, смотрел кинофильмы с лучшими танцевальными спектаклями.

Из Москвы Абдурахим Асылмуратов возвращался окрыленным. За успехи в балетном искусстве он был награжден орденом «Знак Почета». И хотя знал, что впереди его будут ждать трудности, он их не боялся: оружие балетного искусства Абдурахим держит крепко.

Ю. МИХАЙЛОВ.